

**АНТИНОМИЯ «СЛОВО» ↔ «ДЕЛО»
В ДИАЛОГЕ И КОНФЛИКТЕ КУЛЬТУР
(НА МАТЕРИАЛЕ ТРАГЕДИИ И. В. ГЕТЕ «ФАУСТ»
И ЕЕ РУССКИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ)**

С. В. Моташкова

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 9 октября 2017 г.

Аннотация: статья посвящена рассмотрению теоретических и экспериментальных аспектов диалога/конфликта русской и немецкой культур на материале прямой, косвенной и обратной рецепции и интерпретации в русской национальной концептосфере аксиологических доминант трагедии И. В. Гете «Фауст». Рассматривается роль А. С. Пушкина – мастера слова и организатора литературного процесса – в расширении диалога русской и мировой культуры. Прослеживается лингвоэстетическая и коммуникативная эволюция антиномии «слово» ↔ «дело», обнажившая как взаимопонимание представителей обеих культур, так и принципиальные различия в их взглядах, обусловленных особенностями социокультурного развития этих стран.

Ключевые слова: диалог/конфликт культур, мировая культура, Пушкин и Гете, доминантные антиномии, Э. И. Губер, интерпретация, «фаустианская тема».

Abstract: the article is devoted to the theoretical and experimental aspects of the dialogue/conflict of Russian and German cultures. The discussion centers around the direct, indirect and inverse reception and interpretation of the axiological dominants of the tragedy «Faust» by J. W. von Goethe, in the Russian national conceptsphere. The role of A. S. Pushkin is in the center of consideration – the master of the word and the organizer of the literary process – in the expansion of the dialogue between Russian and world cultures. The article traces the linguoesthetic and communicative evolution of the antinomy "word" ↔ "action", exposing mutual understanding of representatives of both cultures and the principle differences in their views, due to the peculiarities of the sociocultural development of these countries.

Key words: dialogue/conflict of cultures, world culture, Pushkin and Goethe, dominant antinomies, E. I. Huber, interpretation, "Faustian theme".

Диалог культур, который непосвященному взгляду представляется территорией гармонии и благополучия, на самом деле есть пространство конфликтное, сложное, нелинейное, противоречивое, где хаос и порядок, регресс и прогресс, достижения и потери, находясь в непрерывном движении, сосуществуют одновременно.

В наше избыточно турбулентное время, требующее иногда полного переосмысления устоявшихся представлений, становится все очевиднее, что диалог культур как феномен и универсальный инструмент межкультурной коммуникации еще более глубок, сложен и противоречив, чем он описан у классиков «диалогизма» (М. М. Бахтин, В. С. Библер, Ю. М. Лотман, Л. В. Пумпянский и др.).

В современном усложнившемся мире востребованы новые, уточненные и углубленные представления не только о самом разноуровневом диалоге культур как онтологической универсалии межкуль-

турной коммуникации, но и об асимметрии и конфликтах внутри диалогических, межкультурных и транскультурных отношений, исследование которых нуждается в методологическом и аналитическом обновлении и усовершенствовании.

В настоящей статье предлагается комплексный анализ исследования теоретического и экспериментального материала, включающий мифопоэтические, лингвостилистические, лингвокультурологические, семиотические, когнитивные, прагмакоммуникативные инструменты, объединяемые синергетическим единством методологических подходов.

Цель исследования – представить в предварительном кратком изложении системную траекторию прямого, косвенного и обратного взаимодействия русской и немецкой литературы на примере рецепции трагедии И. В. Гете «Фауст» (принятый в России эстетический оним, соответствующий полному авторскому названию «Faust. Eine Tragödie»), а также отражения в самих литературных произведениях доминантных концептов – антиномий немецкой и

русской культуры в их национальной уникальности и общечеловеческом универсализме, в архетипических и динамических аспектах.

Совершенствование методологического инструментария позволяет даже на хорошо известные науке, в частности филологии, произведения или тенденции, темы, проблемы посмотреть по-новому. Одним из таких явлений является «фаустино-мефистофельская» тема и концептуально-аксиологический контекст ее репрезентации в немецкой и русской литературе.

Архетипическая глубина противостояния человека и его проблемы выбора между Добром и Злом, Знанием и бегством от него, жизнестроительством и гедонистическим эскапизмом восходит к библейскому искушению Адама и Евы, но в каждой культуре, в каждом историческом времени, на каждом эстетическом этапе этот архетип обретает новое звучание и новые лейтмотивы и обертоны.

Так, немецкая культура – единственная в мире, где ученый или деятель культуры соглашается заключить договор с дьяволом ради познания тайн и смысла жизни человека и человечества. В отличие от «невинных» Адама и Евы, он не жертва обмана, соблазна и коварства и сознательно преследует собственные амбивалентные цели, одновременно высокие и прагматичные, соглашаясь идти на вечные адские муки ради недоступного знания о подлинной жизни и своем месте в ней.

Этот архетип прошел огромный эволюционный путь в немецкой культуре и литературе, дойдя до наших дней, например, в романе П. Зюскинда «Парфюмер» («Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders»). В народной легенде о реально жившем ученом со славой чернокнижника и в народной книге на ее основе, Фауст предстает в средневековой мистической ауре с тайными искушениями дьявола и публичными полетами с его помощью, осуждаемый авторами.

Однако уже Н. Ленау, К. Марло, а за ними И. В. Гете, представившие авторскую интерпретацию народной легенды, начинают освобождать национальные архетипы от мистического флера. Так, Гете, включая механизмы диалектики и пантеизма, в «Прологе на небе» («Prolog im Himmel») демистифицирует представителей ада, и рая. Его Бог вступает в прямой, даже доброжелательный контакт с Мефистофелем, но между ним и Фаустом нет признаков непосредственной коммуникации.

Сам Фауст тоже войдет с духом отрицания в скептические, но честные, деловые, цивилизованные и взаимовыгодные отношения. В обмен на душу Фауст получает безграничные возможности познания подлинной жизни и осуществления «свободного труда» на благо людям.

Гетевская диалектика их амбивалентного единства/противоположности начнется с диалога о демонологическом назначении Мефистофеля: в уклончивом ответе о своем имени Мефистофель невольно пробуждает в Фаусте новые силы и надежды: «Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо» («Ein Teil von jener Kraft, Die stets das Böse will und stets das Gute schafft»). В прямом – «Я – дух отрицания» («Ich bin der Geist, der stets verneint!») – Фауст услышит нечто родственное его отрицанию и сомнению в состоятельности своей жизни. На языке диалектики отрицание, сомнение – операционный инструмент познания, рационального мышления и действия, настоящего Дела, которого жаждет Фауст.

Переводя Библию, как в свое время протестант М. Лютер, на немецкий язык, он остановится на первых строках «Евангелия от Иоанна»: «Вначале было Слово» («Im Anfang war das Wort!»), но после сомнений и раздумий приходит к собственному выводу: «В начале было Дело» («Im Anfang war die Tat»). Их последующая сделка обозначит магистральный путь познания, самопознания, поисков смысла бытия – от Слова к Делу – не только самого Фауста, но всей немецкой и европейской цивилизации, развивающей принципы сурового трудового протестантизма.

Фауст и Мефистофель Гете – европейцы просветительской эпохи, находящиеся на разных полюсах мировоззрения и аксиологической картины мира: Мефистофель – разрушительно скептивен до бесчувственного и бесчеловечного цинизма, а Фауст последователен в своем гуманизме и вере в созидательные силы человека, но скептивен по отношению к Слову. В системе Логоса он видит только рациональный смысл.

Они безнадежно расходятся в понимании Добра и Зла, но опасно сближаются в осуществлении надчеловеческих рациональных замыслов, когда жертвами прогресса, обновления мира становятся не столько отжившее, сколько живое. Это было и остается до сих пор ахиллесовой пятой европейского рационализма и рожденных им во многом утопических идей о прямых поступательных путях развития прогресса, ради осуществления которых придется не считаться с человеческими жертвами.

В своем прогрессивном идеализме Фауст переступит через любовь Маргариты, через гармоничных и человеческих Филемона и Бавкиду, одновременно нарушив главный принцип европейской цивилизации, сформулированный древнегреческим философом Протагором: «Человек есть мера всех вещей». Он трагически раздвоится между Небом и Адом, между ангелами и лемурами. Глубоко страдая от собственного несовершенства и несовершенства своего Разума, Фауст меняется, меняет свои представления о поисках всеобщего счастья и путей его достижения,

исполняет одну за другой социальные роли, не сдается в реализации своих главных целей, но часто впадает в отчаяние, теряет силы, здоровье, зрение, уверенность в самом себе.

И все же он невольно помогает Богу выиграть у Мефистофеля спор о непобедимости человека разумного и деятельного: «Пока во мраке он блуждает, но светом Разума он будет озарен» («Wenn er mir auch nur verworren dient / So werd ich ihn bald in die Klarheit führen»).

Очевидно, что и немецкий, и русский корпусы «фаустианских» интерпретаций детерминированы национальными и глобальными, историческими и актуальными, индивидуально-личностными и общечеловеческими, вневременными и стилевыми проблемами.

С «гетевского» влияния в творчестве и социокультурной деятельности А. С. Пушкин начинает восходящий путь к универсализации национального представления о Человеке и смысле его жизнедеятельности, которые в значительной степени проходят по магистральным аксиологическим линиям: антиномиям Добра и Зла, Слова и Дела, Человека и Человечества, Свободы и рабства. Он же стоит у истоков «великого русского Слова» (А. А. Ахматова), которое займет достойное место в мировом диалоге культур.

«Фаустианская» линия творчества А. С. Пушкина чрезвычайно обширна. Перечисление даже нескольких феноменов позволяет говорить о ее доминантном положении в мессианском замысле великого национального поэта, посвятившего «свою лиру» введению русского сознания, языка и культуры в контекст мировой культуры, и прежде всего европейской, – в замысле (во многом утопическом) ориентированной на человека как высшую ценность.

Среди них стихотворения «Демон», «Разговор книгопродавца с поэтом»; фрагменты и мотивы: «Таврида», «В. Ф. Раевскому», «Сцена из Фауста», «Наброски к замыслу о Фаусте», «Сцены из рыцарских времен», «Моцарт и Сальери» и т. д.

Влиянию Гете на Пушкина посвящена обширная исследовательская литература [1–5]. Сверх того, по мере приближения к нашим дням корпус произведений Пушкина, испытавших в той или другой мере воздействие образной и философской системы Гете, неуклонно расширяется, что проявилось, например, в недавней работе Н. С. Васина «Семантическое поле фаустианских реминисценций в творчестве А. С. Пушкина» [6].

Русская литература, в свою очередь, то расходясь и внутренне полемизируя с Гете и немецкой «фаустианско-мефистофельской» традицией, то сближаясь с ней и оплодотворяясь ею, прошла собственный путь развития этой темы в специфически национальном становлении социокультурной личности.

Прежде всего, русская «фаустиана» в очередной

раз доказала, что «Пушкин – наше все» (А. Григорьев): наша европейская античность с ее подлинными ценностями: антропоцентризмом, гуманизмом, демократией, стремлением к преодолению Хаоса Порядком и с ориентацией на активную жизнедеятельность, вместо навязанных властью чужих и декоративных имперских, великодержавных, коммунистических утопий.

И он же заложил основы особого статуса русской литературы – единственного общественного института, противостоящего государственному насилию и закабалению народа («Поэт в России больше, чем поэт» – Е. А. Евтушенко). Пушкин – не только великий реформатор русского языка и великий поэт, реализовавший его новые возможности, но и организатор культурной и литературной жизни в европейском направлении, в частности как издатель журнала нового типа «Современник».

Бессмертный творец и носитель сакрального Слова, «эхо русского народа», Пушкин отразил в своей многосторонней личной жизни и творческой деятельности особые отношения русской культуры с немецкой.

Этой стороне его творческой самореализации посвящена книга А. А. Обгольца «Пушкин и немцы России» [7]. Профессор А. А. Обголец, потомок поволжских немцев, сейчас живущий в Германии, сохранил глубокий интерес к родной для него русской культуре. В книге он аргументированно рассказывает, например, о В. Кюхельбекере и А. Дельвиге, которые были самыми близкими друзьями Пушкина, о первом переводчике «Фауста» на русский язык – билингве Э. И. Губере [7].

Глубокое впечатление на А. С. Пушкина произвело творчество Гете, в которое одним из первых его ввел В. А. Жуковский. Уже в 26 лет, в самом начале ссылки в Болдино, он написал свою «Сцену из Фауста», за 6 лет до выхода в свет второй части «Фауста» Гете. Заглавный герой трагедии Гете в первой части, как сказали бы сейчас, «находился в глубокой депрессии». Такое состояние души Фауста было созвучно ссыльному молодому поэту.

Однако он вводит в собственный субъективный авторский «синопсис» гетевской трагедии русские образы и архетипы. Например, концепт «скука» («Мне скучно, бес»), невозможный для деловитого немецкого самосознания, которое способно заблуждаться, совершать даже катастрофические ошибки, но не может позволить себе добровольного или вынужденного бездействия.

Фауст Пушкина от иллюзий о себе и мире приходит к саморазрушению и русской анархической страсти к уничтожению и нравственному самосожжению: вместе с тремя сотнями «мерзавцев»-пиратов он требует уничтожить все их золото и вино вместе с кораблем: «Все утопить».

Пушкин ввел в русскую культуру гетевскую, фаустианскую линию не только как мастер слова, но и как организатор национального пространства диалога культур. В этом смысле очень важны его отношения с русско-немецким билингвом и первым переводчиком «Фауста» на русский язык Губером.

Судя по переводу Э. И. Губера [8], Пушкин не мешал свободному самопроявлению автора и был более снисходителен к нему, чем, например, В. Г. Белинский, похваливший его за факт появления перевода великой трагедии, но, не вполне справедливо, отказавший молодому литератору в заметных поэтических открытиях в его труде [9]. Для глубоко преданного Пушкину молодого поэта и переводчика гибель великого мастера Слова и Дела станет личной и творческой трагедией: полный перевод будет издан только много лет спустя, а губерровский вариант lamentаций «на смерть поэта» будет ходить по рукам наравне с лермонтовским [10].

Александр Сергеевич не случайно покровительствовал Губеру: он сам был глубоко погружен в универсально-символический характер заглавного героя, в вечные общечеловеческие проблемы «Фауста». Уже во время Болдинской осени он создал своеобразный отклик на трагедию: получивший в истории литературы право на собственное самостоятельное существование – набросок «Сцена из Фауста». Пушкин в своем произведении отозвался на главное и общее в «Фаусте»: всемирную борьбу человека как человечества за свое самоопределение, его борьбу за культуру против варварства, знания против невежеств, в том числе и в самом человеке.

Однако сами переводы обнажили вынужденные пороки русской действительности и сформированные ими негативные стороны русского национального характера в сравнении с более развитой немецкой цивилизацией: «здесь барство дикое без чувства, без закона», «лени сон угрюмый, рабство», анархизм, недоговороспособность, «стремление уйти от действительности в мечту, утопию» (Н. А. Бердяев), нетерпимость к чужой свободе и самоуважению.

Отсюда трудный и опасный путь самоотверженной русской интеллигенции в ее стремлении к служению Истине, культуре и благу Отечества и в вынужденном отчуждении и от власти, и от покорного непросвещенного народа: «Иная, лучшая, нужна мне свобода: / Зависеть от царя, зависеть от народа – Не все ли нам равно? / Бог с ними. Никому Отчета не давать, себе лишь самому / Служить и угождать; для власти, для ливреи / Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи» (А. С. Пушкин. «Из Пиндемонти»).

Позднее все эти проблемы будут отмечены и развиты в произведениях наследников Пушкина по прямой линии (Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, И. А. Гончарова, М. А. Булгакова,

В. Ерофеева и др.). Но Фауст Пушкина – добровольная жертва дьявольских манипуляций, заблудшая душа, проклинающая и жизнь, и знание, и человечество, упивающаяся ложными иллюзиями о собственном былом счастье и любви, опустошенная, неспособная любить и сочувствовать другим, стремящаяся к насилию и разрушению себя и внешнего мира.

Точный, масштабный диагноз бессмысленной, ленивой, смертельно скучной жизни большей части народа и его интеллигенции поставил И. А. Гончаров в романе «Обломов».

Он обнаружил и выявил в своем художественном анамнезе главные пороки русской жизни – рабство, бесправие, отсутствие ориентации на человека, на его «свободный труд» и потому – отсутствие большого общего национального дела, неспособность к созданию подлинно справедливого, надежного, достойного и нужного всем жизнеустройства.

Немцу Штольцу не понять, как можно добровольно отказаться от жизни, любви, практического жизнеустройства и бессмысленно предаваться распаду и деградации. Как Обломову никогда не понять, что неймется этому немцу, зачем ему все эти хлопоты, порядок, благосостояние, чувство ответственности за себя и за других. Кто из них больше укоренен в русскую «почву»? Результатами деятельности – Штольц, всей своей природой – Обломов. Даже автору чужд его, казалось бы, положительный и в чем-то идеальный герой.

И странным образом он сочувствует отказавшемуся от жизни и Дела заглавному герою. В саму ткань произведения имплантирована идея о несовместимости и конфликте двух культур – русской и немецкой. И шире – несовместимость русского национального и государственного уклада европейской культуры и цивилизации, разлад языков, взаимная глухота вместо взаимного понимания. Здесь оба народа – «немцы», т. е. чужаки с противоположными ценностями и картинами мира.

А без взаимного понимания, без разделения общих универсальных ценностей, как отмечает *немецкий* исследователь И. Рот, теоретик и межкультурной, и научной коммуникации, невозможна сама коммуникация, а значит, и совместное творческое дело [11].

Во многом алармистская «лингвистическая катастрофа», по М. А. Аркадьеву, права в описании последствий утраченного или не найденного общего языка: «Более или менее понятно, что антропологический абсурд, изначальная экзистенциальная драма человечества, или лингвистическая катастрофа, получает сейчас свое предельное выражение и может быть сформулирована как фундаментальный конфликт глобализированного сознания <...> и жизни» [12, с. 68].

Из противоречий отчужденного от себя и жизни пушкинского Фауста в русскую литературу вошла целая плеяда «страдающих эгоистов», «лишних людей», «донкихотов», обломовых, раскольниковых, иванов бездомных, венечек, ставших неиссякаемым источником в создании русскими мастерами слова «героев времени». Безусловно, «лишние люди» русской жизни, разрушители своих и чужих судеб, все равно оказываются достойнее и содержательнее живущих внечеловеческой, внеразумной, бесчувственной, автоматической жизнью рабов обстоятельств или таких бездушно-циничных нелюдей, как Мефистофель. Их вербализованная невротическая рефлексия на враждебный мир и авторефлексия на внутренний разлад все же содержат в себе зерна жизнеспособности и перспективы фаустианского действенного самопреодоления.

Другая, менее оживленная тропа русской литературы освоена настоящими русскими «фаустианцами», в том числе и самими носителями сверхценного русского Слова, для которых самоотверженное, деятельное служение стране, людям, Истине и любви, было важнее их личной судьбы. Именно их разумом и подвижничеством, часто героическим трудом была создана великая русская культура – достойная собеседница в мировом диалоге культур.

«Перевод» – буквальный и метафорический – «Фауста» Гете на русский язык был востребован и активно и благодарно адаптирован национальной культурой, но одновременно обнажил диалектическое единство и борьбу аксиологических и цивилизационных обретений и конфликтов русско-немецкого диалога в вечном общечеловеческом поиске единства «Слова» и «Дела».

Воронежский государственный педагогический университет

Моташкова С. В., доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей

E-mail: motashkova-svetlana@rambler.ru

Тел.: 8-919-233-49-90

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С. С.* Гете и Пушкин / С. С. Аверинцев // *Новый мир*. – 1999. – № 6. – С. 189–198.
2. *Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества / И. Г. Гердер. – М.: Наука, 1989. – 703 с.
3. *Данилевский Н. И.* Россия и Европа / Н. И. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
4. *Алексеев М. П.* К «Сцене из Фауста» Пушкина / М. П. Алексеев // *Временник Пушкинской комиссии*. – 1976. – С. 80–97.
5. *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1981. – 558 с.
6. *Васин Н. С.* Семантическое поле фаустианских реминисценций в творчестве А. С. Пушкина / Н. С. Васин. – Режим доступа: <https://psibook.com/literatura/semanticheskoe-pole-faustianskih-reminisentsiy-v-tvorchestve-a-s-pushkina.html>
7. *Обгольц А. А.* Пушкин и немцы России / А. А. Обгольц. – Омск: Наследие: Диалог-Сибирь, 2005. – 192 с.
8. *Губер Э. И.* Фаустъ. Трагедія Гёте / Э. И. Губер; пер. Э. И. Губера. – Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01004424391#?page=1>
9. *Белинский В. Г.* Стихотворения Эдуарда Губера / В. Г. Белинский // Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 7. Статьи, рецензии и заметки, декабрь 1843 – август 1845. – М.: Художественная литература, 1981.
10. *Губер Э. И.* На смерть Пушкина / Э. И. Губер. – Режим доступа: <http://liricon.ru/na-smert-pushkina.html>
11. *Roth J.* Interkulturelle Kommunikation als universitäres Fach / J. Roth // Roth J. Blick-wechsel. Beiträge zur Kommunikation zwischen Kulturen. – Munster et al.: Waxmann, 2003. – S. 179–185.
12. *Аркадьев М. А.* Лингвистическая катастрофа / М. А. Аркадьев. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2013. – 504 с.

*Voronezh State Pedagogical University
Motashkova S. V., Doctor of Philology, Professor of the
French and Foreign Languages for Non-language profiles
Department*

E-mail: motashkova-svetlana@rambler.ru

Tel.: 8-919-233-49-90